

Е.В. Лазарева

**СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ УРАЛА ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.**

Во второй половине 1930-х гг. советская историческая наука была поставлена под контроль центральной власти, поскольку стала использоваться государством в качестве одного из орудий идеологического воздействия на общественное сознание. Именно в 1930-х гг. она подверглась существенным преобразованиям, коррелирующим с происходившим в стране процессом утверждения тоталитаризма. Влияние власти на организацию и содержание исторического знания в данный период стало комплексным. Осуществлялось оно путем реформирования исследовательских центров, кадровых чисток, политического диктата, мифологизации прошлого и т.д.

Изучение проблемы состояния исторической науки Урала в 1930-х гг. началось после XX съезда КПСС, заметно активизировалось в 1980 – 1990-е гг., и имеет определенные успехи, однако пока эта тема освещена недостаточно полно. Региональные исследователи: А.В. Бакунин, О.А. Васьковский, М.Е. Главацкий, Е.Б. Заболотный, В.Д. Камынин, А.В. Черноухов и др. отмечают, что состояние исторической науки на Урале в конце 1930-х гг. определялось целым рядом факторов, которые вызвали своеобразный «перелом» в развитии гуманитарного знания. Важнейшими здесь являлись: изменение политической ситуации в стране, реорганизация деятельности общественно-научных и учебно-научных центров, становление системы советского исторического образования, трансформация исследовательской проблематики, а также – внедрение марксистской методологии исследования. Совокупность данных трансформаций оказала самое непосредственное влияние на содержание и уровень развития науки.

Закономерным представляется то особое внимание, которое советская власть уделила формированию новой системы научных центров в области общественных наук. В середине 1930-х гг. началась очередная реорганизация исторических учреждений страны. Плановмерно сокращалась самостоятельность деятельности краеведческих обществ. Так в 1935 г. Уральское бюро краеведения было преобразовано в оргбюро по изучению областей. А в 1938 г. его передали в подчинение органов народного образования. Фактически это означало уничтожение краеведческих организаций. По данным исследователей, многие краеведы подверглись репрессиям¹⁸⁸.

Вместе с тем, на протяжении 1930-х гг. главными историко-научными центрами на Урале продолжали оставаться истпарты, созданные в начале 1920-х гг. Штаты их научных сотрудников во второй половине 1930-х гг. по-

¹⁸⁸ См.: Зорина Л.И. Клер Модест Онисимович // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург. 1998. – С. 261; Тагильцева Н.Н. Репрессии против членов краеведческих обществ на Урале в конце 1920-х – 1930-е гг. // История репрессий на Урале в годы Советской власти. – Екатеринбург. 1994. – С. 95.

полнились квалифицированными специалистами с высшим образованием. К ним можно отнести Р.М. Рубинштейн, Г.П. Рычкову, А.П. Шавина и др.¹⁸⁹ Уралистаном и комитетом содействия изданию истории гражданской войны велась работа над трехтомной историей гражданской войны на Урале, публиковались воспоминания и другие материалы. Однако, в 1939 г. происходила ликвидация специализированных научно-исследовательских объединений: истпартов, истпрофов, истомолов и некоторых учебных заведений – в частности Урало-Сибирского Коммунистического Университета. Собранный ими документальный материал и библиотеки были переданы в партархивы соответствующих обкомов. На этой базе в 1945 г. при Свердловском обкоме ВКП(б) был открыт Институт истории партии на правах филиала Института Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК ВКП(б).

Необходимо отметить, что перед войной, на Урале по-прежнему, остро ощущалась нехватка кадров профессиональных историков, владевших методикой исследования, что, конечно, сдерживало развитие науки. В этих условиях закономерным стало распространение исторического образования в высших учебных заведениях Урала. В 1930 г. были созданы исторические факультеты в Свердловском и Пермском пединститутах, в 1931 г. – в Ижевском, в 1932 г. – Оренбургском, в 1934 г. – в Челябинском и в 1939 г. – в Нижне-Тагильском. Причем, в Пермском педагогическом институте с 1931 г. под руководством профессора А.А. Савича начала работать первая на Урале аспирантура по истории¹⁹⁰. В 1931 г. было открыто и первое научное учреждение в Удмуртии – научно-исследовательский институт истории, экономики, языка и литературы.

Кроме того, в конце 1930-х гг. подготовку профессиональных историков начали университеты. В 1938 г. был создан исторический факультет в Уральском государственном университете им. А.М. Горького. В мае 1938 г. Наркомпрос РСФСР принял решение об открытии истфака, в июне официально был объявлен набор студентов. По Приказу № 2336 от 8 сентября 1938 г. «СНК СССР. Всесоюзный Комитет по делам высшей школы, подписанному председателем Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР - С. Кафтановым»¹⁹¹ - исторический факультет начал свое официальное существование¹⁹².

Первоначально факультет испытывал острый дефицит в квалифицированных специалистах, однако ситуация постепенно улучшалась, так в 1941 г. на кафедру марксизма-ленинизма пришел Ф.П. Быстрых, который с 1943 г. стал заведующим этой кафедрой. В 1944 г. на исторический факультет УрГУ вернулся, демобилизовавшись с фронта В.В. Адамов. В 1941 г. был открыт второй на Урале университетский исторический факультет в Перми.

Анализируя проблему состояния исторической науки Урала, второй половины 1930-х гг. необходимо рассмотреть и ситуацию в архивных

¹⁸⁹ Васильковский О.А. Историография и социально-политические проблемы истории гражданской войны. Свердловск. 1968. – С. 39.

¹⁹⁰ Камынин В.Д. Историческое образование // Уральская историческая энциклопедия. – С. 241.

¹⁹¹ Архив УрГУ. Д. 71. Л. 115.

¹⁹² Черноухов А.В. Исторический факультет Свердловского университета. 1938 – 1945. – Екатеринбург. 2008. – С. 19.

учреждениях. В.Д. Камынин, В.Д. Грунь, В.Л. Берсенов пишут, что к началу 1930-х гг. на Урале была создана разветвленная сеть государственных, партийных и ведомственных архивов¹⁹³. В частности было проведено дробление фондов Уральского областного архива в 1934 г. в связи с делением Уральской области на Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую, а в 1938 г. – Пермскую. Тогда не относящиеся к Свердловской области документы, частично были переданы в новые административные единицы. В 1941 г. были созданы филиалы Госархива Свердловской области: Ирбитский, Нижне-Тагильский и Серовский¹⁹⁴.

Современные авторы обращают внимание на факт переподчинения в 1938 г. архивных органов и учреждений в ведение НКВД СССР, что негативно сказалось на исследовательской работе, ибо доступ к документам был ограничен, а порой вообще закрыт. По мнению исследователей, в это время произошла своеобразная «милитаризация» архивов, проявившаяся в установлении жесткой системы их подчинения партийно-государственной диктатуре¹⁹⁵. А.Г. Сапожников указывает, что государственное вмешательство в архивное дело привело к тому, что работа архивистов была сориентирована на отбор и публикацию документов по таким приоритетным темам, как классовая борьба, диктатура пролетариата и т.п. К тому же периодические «чистки» архивных фондов, направленные на «защиту» классовых интересов, привели к утрате ценнейших исторических документов¹⁹⁶. Данные меры представляются вполне логичными, поскольку с подачи И.В. Сталина (письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция») внедрялась практика ссылок на произведения классиков марксизма-ленинизма. В результате этого произошло их превращение одновременно в эталон научно-исследовательской деятельности, основной исторический источник и главный методологический подход в изучении истории¹⁹⁷.

Вполне закономерным следствием происходивших перемен стало и изменение исследовательской проблематики в предвоенные годы. Здесь достаточно четко прослеживается несколько направлений, главным образом – политически обусловленных среди которых четко прослеживаются следующие основные тематические группы. Во-первых, история революционного движения и большевистских организаций на Урале; во-вторых, история формирования и борьбы рабочего класса края; в-третьих, история гражданской войны; в-четвертых, отдельные аспекты социально-экономической истории Урала дореволюционной эпохи, главным образом – горнозаводской промышленности.

Особенность периода 1930-х гг. заключалась и в том, что зачастую, из-за нехватки кадров, изучением революции, гражданской войны и последующего времени занимались не историки, а пропагандисты, партий-

¹⁹³ Камынин В.Д., Грунь В.Д., Берсенов В.Л. История рабочих Урала в 20 – 30-е годы XX века в отечественной историографии. М.- Екатеринбург. 2008. – С. 91.

¹⁹⁴ Государственные архивы Свердловской области. – Свердловск., 1990. – С.5.

¹⁹⁵ См.: Камынин В.Д., Грунь В.Д., Берсенов В.Л. История рабочих Урала в 20-30-е годы XX века в отечественной историографии. С. 91; Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы 1917 – 1980-е гг. М., 1994. – С. 148.

¹⁹⁶ Сапожников А.Г. Архивы на Урале // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург. 1998. С. 58.

¹⁹⁷ Камынин В.Д., Грунь В.Д., Берсенов В.Л. Указ. соч. С. 84.

ные и практические работники. Многие из них не могли правильно организовать научный поиск, провести анализ материала и сделать выводы. Вследствие этого, работы носят во многих случаях фактографический характер. Это явление, присущее главным образом периферии, имело и положительную сторону¹⁹⁸. Литература, написанная современниками и активными участниками событий на основе личных впечатлений, текущих материалов, частично статистики, отличалась точностью воспроизведения фактов и потому до сих пор не утратила своего источникового значения, хотя ее теоретический уровень невысок.

В современной историографической литературе подчеркивается, что 1930-е гг. проходили под знаком пересмотра господствовавших в отечественной науке концепций и распространения новых подходов на основе марксистско-ленинских взглядов. Анализируя вектор развития исторического знания в этот период, ученые сходятся во мнении, что определяющим моментом здесь стал переход от плюрализма к методологическому монополизму¹⁹⁹. Для историков это означало создание работ в рамках формационного подхода с изучением господствующего способа производства, а также классовой борьбы, которая трактовалась как основной двигатель исторического процесса. Таким образом, государственная власть сделала все для выкорчевывания инакомыслия из общественных наук. А.Е. Бовин писал, что в это время сталинский режим вызвал «паралич общественных наук, атрофию исторического самосознания, апологизацию действительности, создание идеологических мифов...»²⁰⁰ и многие другие негативные явления общественной жизни.

Авторы многих публикаций отмечают, что во второй половине 1930-х гг. российской исторической науке был нанесен удар, в виде гонений на представителей «старой школы» историков, а также – всех, заподозренных в инакомыслии (троцкизме и т.п.). По мнению П.В. Волобуева: «Для того чтобы обществоведы знали свое место, на них был обрушен град репрессий. Первыми пострадали тогда историки, в том числе академики и члены-корреспонденты АН СССР (С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, В.Г. Дружинин и др.)»²⁰¹.

Подобные преследования кадров научной интеллигенции коснулись и Урала, где тоже был нанесен удар по старой вузовской профессуре²⁰². По данным современных исследователей, эта кампания затронула многих историков Свердловска, который в 1930-х гг. был не только столицей Уральской области, но местом сосредоточения ведущих научных и учебных центров Урала²⁰³.

¹⁹⁸ Советская историография Октябрьской революции и социалистического строительства на Урале (1917 – 1987). Свердловск. 1987. – С. 84.

¹⁹⁹ См.: Камынин В.Д., Грунь В.Д., Берсенов В.Л. Указ. соч. – С. 67; Черноухов А.В. Исторический факультет Свердловского университета. 1938 – 1945. – Екатеринбург. 2008.

²⁰⁰ Бовин А.Е. Перестройка: правда о социализме и судьба социализма // Свободная мысль. 1996. №4. – С. 524.

²⁰¹ Волобуев П.В. Сталинизм и социальное познание советского общества // История и сталинизм. М., 1991. – С. 31.

²⁰² Камынин В.Д., Грунь В.Д., Берсенов В.Л. Указ. соч. – С. 67.

²⁰³ Там же. С. 73.

Заслугой ученых настоящего времени стал вывод о том, что предвоенный этап наступления руководства страны на историческую науку был связан с приведением методологии исследований в соответствие с провозглашенным Сталиным принципом партийности²⁰⁴. Немарксистские теоретические подходы с этого времени стали «вне закона».

Д.В. Гаврилов, Р.И. Голубцова, В.Д. Камынин и др. авторы приводят данные о том, что на Урале репрессии коснулись многих видных историков. В 1937 г. был арестован А.П. Танеев, который находился в заключении до 1956 г. В 1930-х гг. он активно занимался научными исследованиями, принимал участие в работе Уральского областного комитета содействия изданию истории гражданской войны, а также в редактировании материалов истории классовой борьбы в редакции «Уральской советской энциклопедии», первый том которой вышел в 1933 г. В 1932 – 1933 гг. он возглавлял Уралистпарт²⁰⁵. Тогда же в ряде вузов Свердловска руководил кафедрами истории ВКП(б) выпускник московской Академии коммунистического воспитания Ф.П. Быстрых. В 1937 г. за опубликованную монографию ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук²⁰⁶. Д.В. Бугров и Н.Н. Попов отмечают: «Массовые «чистки» конца 1930-х гг. не обошли и Ф.П. Быстрых. В сентябре 1937 г. он был исключен из ВКП(б) за «притупление политической бдительности» и, конечно, уволен с преподавательской работы»²⁰⁷.

Кроме того, был репрессирован директор Удмуртского НИИ Ф.П. Макаров, исключенный в 1937 г. из партии, осужденный на 5 лет по статье 58-10,11 за участие в «контрреволюционной группе», состоявшей из партийных и государственных деятелей Удмуртии, выпускников Коммунистического университета трудящихся Востока²⁰⁸. А так же - научные сотрудники этого института - В.А. Максимов, окончивший Коммунистическую Академию общественных наук в Москве, обвиненный в отсутствии классового подхода в исследованиях, П.В. Кильдибеков и др. Труды В.А. Максимова и Ф.П. Макарова были изъяты из обращения как «контрреволюционные» и «троцкистские». Такие ярлыки в конце 1930-х гг. навешивались практически на все истпартовские издания, которые были изъяты из обращения.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств уцелел видный историк С.М. Петров. Он преподавал в Урало-Сибирском Коммунистическом университете, занимался научно-исследовательской работой. С 1932 по 1934 гг. учился в Москве в Институте красной профессуры, после чего до 1940 г. преподавал историю партии и Челябинском пединституте, а потом уехал на работу в Москву. Д.В. Гаврилов пишет: «Только отъезд С.М. Петрова избавил его от репрессий, которым в 1937 – 1938 гг. подверглись

²⁰⁴ Там же. С. 77.

²⁰⁵ Голубцова Р.И. А.П. Танеев об участии трудящихся Урала в Октябрьской революции и Гражданской войне // Летописцы родного края. – Свердловск. 1990; Камынин В.Д., Грунь В.Д., Берсенева В.Л. Указ. соч. – С. 70.

²⁰⁶ Там же. С. 71.

²⁰⁷ Бугров Д.В., Попов Н.Н. Ф.П. Быстрых на крутых поворотах истории // Урал в XX в.: экономика и политика. – С. 4.

²⁰⁸ Заболотный Е.Б. Макаров Фаддей Петрович // Уральская историческая энциклопедия. – С. 319.

уральские историки, обвиненные в принадлежности к «троцкистской организации» и «распространению троцкистских взглядов»²⁰⁹.

Подводя итог развития исторической науки во второй половине 1930-х гг., подчеркнем, что её состояние определялось активным вмешательством власти в образование и последующие реорганизации структуры исследовательских центров, проведением репрессий научной интеллигенции, политически заказанной тематикой, внедрением марксистской методологии и т.д. Данные меры привели к существенным организационным и кадровым изменениям, недооценке роли архивных учреждений, деформации публикаторской работы. В результате в исторической науке произошло изменение научной парадигмы, что было напрямую связано с утверждением сталинизма.

²⁰⁹ Гаврилов Д.В. С.М. Петров. У истоков марксистской исторической науки на Урале //Летописцы родного края. – Свердловск. 1990. – С. 119.